

Виктор Петров

РАЗУМ – НА СЛУЖБЕ У БОГА ИЛИ ДЬЯВОЛА?

Почему
мы веками
строим рай,

а получаем
ад?

Виктор Павлович Петров
Разум – на службе у Бога или
дьявола? Почему мы веками
строим рай, а получаем ад?
Психологическое исследование

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484493

*Разум – на службе у Бога или дьявола? Почему мы веками строим рай,
а получаем ад? Психологическое исследование: У Никитских ворот;*

Москва; 2016

ISBN 978-5-00095-095-1

Аннотация

Атмосфера лжи, насилия, взаимной враждебности, патологического сребролюбия стала нормой для нашего мира. Уровень агрессивности людей запредельный. В таких условиях жизнь не назовешь райской, она больше похожа на пребывание в аду. Непрерывные внешние социально-экономические перестройки лишь усугубляют страдания людей. Человечество явно не там ищет спасение. Глубинные причины нарастающей порочности жизни – внутри человека. Там же – путь к спасению. Мир пал через человека и только через человека способен подняться. Все в жизни обусловлено доминирующими

внутри людей силами и потребностями. Мы безоговорочно уверовали в разум, сделали его единственным стержнем бытия, привыкли поступать только «по уму», забыв о совести и душе. Но разум бездушен, корыстен, агрессивен, подвержен демонизму. Монополия разумности вытеснила из сознания и жизни людей все высшее, святое и создала условия для расцвета бесовщины. В итоге цивилизация, полностью выстроенная на принципах разумности, оказалась системой, непрерывно порождающей кризисы и войны, нагнетающей страхи и страдания людей. В книге представлен исторический и психологический анализ глубинной причины внутренней деградации человека и сползания человечества в преисподнюю, показана возможность спасения тонущего в пороках мира.

Содержание

Предисловие. Забытый образец подлинной жизни	6
Золотой век человечества	15
Объективные свидетельства существования золотого века	30
Причины гибели подлинного устройства жизни	35
Введение	41
Глава 1. Разум в контексте исторического пути человечества	49
1.1. Выход разума на авансцену мировой жизни. «Ось времен»	49
1.1.1. Мучительный поиск оптимального варианта приспособления к чуждой действительности	49
1.1.2. Самая великая революция в истории человечества	60
1.2. Рай и ад «умственного бытия» за пределами древнего мира	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Виктор Петров
Разум – на службе у
Бога или дьявола?
Почему мы веками
строим рай, а получаем
ад? Психологическое
исследование

© Петров В.П., 2016

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2016

Предисловие. Забытый образец подлинной жизни

Мы были созданы, чтобы жить в раю, рай был предназначен для того, чтобы служить нам.
Франц Кафка

Почему люди недовольны текущей жизнью, почему неустанно пытаются выстроить что-то лучшее, найти некий высший смысл своего бытия? Что они ищут, и что заставляет их метаться в поисках чего-то и самим толком непонятого за пределами круга, освещенного светом разума? Какой вариант идеальной жизни тревожит их из глубин сознания? Нет таких проблем у животных и ближайших родственников наших предков (по Дарвину) обезьян. Если мы имеем только животное начало, не должно быть этой внутренней тревожащей идеи и у нас. Откуда она?

Предположим, господство лжи, насилия, бездуховности, сребролюбия в жизни человечества изначально, и люди никогда не знали бытия в атмосфере подлинной любви, не жили по законам совести, не ощущали реально свое подобие Богу. Тогда ничто не должно побуждать их мучиться пребыванием в нынешнем жизненном состоянии. В этом случае подобное состояние – не искажение чего-то истинного, а человеческая норма. Не с чем ее сравнивать, и нет необходи-

мости считать ее аномальной. Остается раз и навсегда признать все происходящее естественным делом и не мучить себя иллюзиями. Живут же так наши генетические «собратья» из животного мира. Но мы почему-то так жить не можем.

Что-то неосознаваемое, но постоянно хранящееся в глубинах памяти не дает удовлетвориться тем, что есть, тем, что предлагает реальный мир, и заставляет, раз за разом разрушая привычное, искать нечто новое – и постоянно убеждаться: **не то!** Опять все рушить, чтобы создать очередное «не то». **Жажда истинной жизни владеет человеком.** Отсюда его неудовлетворенность всем завершенным, конечным, как бы ни было оно «сытно», внешне привлекательно. Такие действия не имеют ничего общего с установками расчетливого «здорового смысла», его стремлением к состоянию покоя, равновесия. Только человек способен ненавидеть мир, в котором живет, до такой степени, что готов покинуть его даже через самоубийство. Он подспудно ощущает возможность чего-то иного, принципиально отличного от всего, что доминирует в нашей жизни.

Без этих ощущений не было бы у нас постоянной неудовлетворенности настоящим и мы не искали бы путей к счастливому будущему – не сочиняли бы утопические произведения, не выстраивали бы проекты идеальной жизни, не совершали бы ради нее все новые и новые реформы и даже кровавые революции.

Человеческую историю непрерывно сопровождают, явля-

ьясь как бы обратной стороной рационалистической тенденции, разного рода тайные учения – Упанишады, неоплатонизм, герметизм, гностицизм, каббала, средневековая мистика Экхарта, алхимическая теология Беме, теософия, антропософия, оккультизм. Они далеко не одинаковы в своем понимании мира, но каждое из них, в отличие от поверхностно-прямолинейного дарвинизма, отстаивает факт существования в истории человечества высшего – идеального – прошлого; одновременно верит в столь же высшее будущее. Каждое из этих учений можно серьезно критиковать, но неистребимая потребность человека в их создании, как ответ на зов чего-то глубинного внутри себя, есть почти объективная реальность. Веками хранит и народная мудрость веру в «пророков», «спасителей», имеющих связь с высшим миром, как и веру в существование этого «лучшего» мира.

Человек ощущает какое-то смутное и бессильное томление по утраченному блаженству, неотрывному от первоначальной его натуры.

Б. Паскаль

И не случайно, что уже в XXI веке, после столетий, казалось бы, победного шествия разума и научного прогресса, нынешнее телевидение вынуждено, удовлетворяя растущие запросы людей, заполнять эфир передачами о загадках древних цивилизаций, поисках Атлантиды и других «утраченных миров», разного рода «воспоминаниях о будущем». Подспудная и неизбывная вера людей в изначальное совершен-

ство бытия находит отражение в сюжетах множества произведений литературы, искусства, живописи, в мифах и преданиях разных народов, рассказывающих о существовании в нашем прошлом райской жизни.

Рай – самое распространенное олицетворение идеальной и подлинной для человека счастливой жизни. По словам Н.А. Бердяева, у человека есть *«глубоко запавшее в сердце воспоминание о рае и мечта о нем»*. Эта мечта вечно преследует и соблазняет людей, возбуждает их стремление к воссозданию, нередко любой ценой, райской жизни, не омраченной драматическими реалиями существующей действительности. *«Эта мечта лежит в основе всех утопий земного рая»* (20, 242). (**Примечание:** здесь и далее первая цифра указывает номер издания в списке литературы; вторая – номер страницы в этом издании.)

Из древних источников известны по крайней мере три варианта райской жизни людей. **Первый вариант** представлен в начальных разделах Священного Писания. Библия показывает рай как обитель бессмертия и счастья, безмятежный сад, предназначенный для безгрешных первых людей – Адама и Евы. Пребывание в Эдеме было для Адама и Евы жизнью без угроз и опасностей, в атмосфере любви и полного единения между собой, с вечностью, природой и всеми существами, сотворенными Богом, при наличии способности все адекватно чувствовать и понимать. Библия показывает, что прародители человечества жили **любовью** Созда-

теля к себе и своей любовью к Всевышнему. Данный вид бытия, связанный с активной деятельностью души, исключал обман, противостояние, манипулирование одних другими, искусственность в поведении и мышлении, ложную стыдливость и другие раздирающие внутренний мир современного человека комплексы.

Показательно, что именно такой была жизнь первых сотворенных Богом людей. Для подобной жизни они создавались, и лишь такая, райская жизнь была предопределена не только первым людям, но и, несомненно, всем последующим поколениям их потомков. **Это – естественная жизнь человека!** Все иное, продолжающееся тысячелетиями после изгнания наших прародителей из рая, есть искажение подлинной жизни людей, более того, есть их пребывание в условиях чего-то прямо противоположного раю – **пребывание в аду**. Свалившиеся на людей после отрыва от Бога тяготы земной жизни нельзя назвать нормальной жизнью. Реальная история человечества с самых ранних времен до наших дней оказалась наполненной стенаниями по поводу до предела сгибающего давления лишений и тягот. *«Жизнь есть страдание»*, – определил Будда. И это определение поддерживают все мировые религии, весь опыт народной мудрости.

Неизбежные страдания, нищета, голод, взаимная вражда, кровавые войны и революции, господство насилия и лжи, постоянные унижения и страхи – не для такой жизни создавался человек. На нее он обрек себя предательством Бога,

причем обрек лишь на какое-то время, достаточное для того, чтобы осознать в земных тяготах греховность своего проступка и через глубокое раскаяние вернуться к Богу. Но раскаяния и возвращения не получилось. Напротив, попав под влияние князя мира сего («духа земного мира»), люди забыли о естественной для себя жизни. И уже в течение тысячелетий, преодолевая один провал в адские муки за другим, каждый раз более глубокий, повторяют, как зомбированные: **это и есть жизнь**. По сути – жизнь в аду, если нахождение в аду можно называть жизнью.

Идеологи земной цивилизации столетиями убеждают людей: мы еще создадим рай на земле – с помощью разума и науки, на основе материально-технического и экономического совершенствования мира. Однако ни одна известная истории социально-экономическая система не смогла хотя бы на время избавить людей от мерзостей бездушной цивилизованной жизни и приобретаемых человеком в этой жизни пороков, но каждая внесла вклад в наращивание того и другого.

У людей было время убедиться: ад земного существования человека изначален и неискореним. Рай невозможен в условиях земной жизни, к нему не приведет никакой прогресс. Мы обманываем себя, пытаюсь найти его в сытости, гламуре, больших деньгах, дорогих машинах, властных полномочиях, наркотическом состоянии – через бесконечные реформы, перестройки, модернизации, переходы от капита-

лизм к социализму и обратно. По словам Н.А. Бердяева, *«всякий раз человек испытывает греховное разочарование в этих своих мечтах и стремлениях... идея земного рая есть ложная утопия»* (20, 243).

У человека, ставшего **«трагической жертвой цивилизации»** (М.М. Пришвин), есть только два пути в состояние «райского блаженства» – через конец мира и возвращение к Богу или через отдельные исключительные мгновения жизни. Такие мгновения могут быть связаны, например, с приобщением к божественным красотам природы или с творческим прорывом (и экстазом), когда после долгих предвещающих такой прорыв «адских мук» человеку удается наконец ощутить «жалящий укол» божественного прикосновения. Кроме того, ощущение рая дано младенцу – до первых навязанных ему цивилизацией личностных (рассудочных) «одеяний», с которыми он – уже раб обстоятельств.

Беспросветность земной жизни породила идею существования **рая в загробном мире (на том свете)**, куда отправляются души после телесной смерти человека. *«Отдохнешь на том свете, на этом – всем назначена маета»*, – гласит один из мотивов христианской морали. Известно, что древнегреческий мудрец Сократ, принимая яд, рассчитывал в ином мире отдохнуть от тягот и несправедливостей земной жизни. Его современник и ученик Платон также был убежден, что подлинной, истинной является лишь жизнь души, освободившейся из плена телесности и вернувшейся на свою

родину и в свое изначальное состояние. Таким образом, даже смирившись с земным (цивилизационным) рабством, мы подспудно продолжаем верить в возможность райской жизни – под крылом Всевышнего, в Его Небесной обители.

Однако место в этом раю забронировано далеко не для всех прибывающих в загробный мир человеческих душ. Согласно учению о возмездии, радости или беды, ждущие человека в ином мире, являются следствием его земных дел, наградой или наказанием за них. По христианскому вероучению, по окончании земной жизни души людей ждет два возможных места на том свете – либо рай, либо ад. Рай – для пребывания в полном благополучии праведников; ад – для посмертных мучений грешников.

Мусульманские представления о загробном мире также основаны на «теории возмездия» и еще большей, чем у христиан, зависимости будущей жизни в раю или аду от того, чего люди жаждали и чему предавались на земле. Жертвы ада (в исламе – «джаханнам») либо горят в огне, либо их мучает жгучий холод. Праведники обретают вечное блаженство в садах («Джанна»), где текут реки из непортящегося молока и меда, где деревья в изобилии приносят самые изысканные плоды. Обитатели рая возлежат на «ложах расшитых», едят, что пожелают, пьют самые необыкновенные напитки. Рядом с ними – всегда юные супруги из числа райских дев или собственные земные жены, ставшие девственными и вечно молодыми (129).

Представления о рае и аде загробного мира были всегда отрывочными, смутными – они складывались из отдельных откровений и видений святых. Лишь в начале XIV века Данте Алигьери написал «Божественную комедию», в которой дал законченную, целостную и вдохновенно изложенную картину жизни после смерти во всех ее возможных вариантах. Описание иного мира оказалось настолько глубоким и проникновенным, что западное общество восприняло «Божественную комедию» как подлинное откровение, как нечто данное автору свыше. Предложенные Данте образы ада, рая и чистилища на столетия определили доминирующие представления верующих о том, что их может ждать в загробной жизни.

Золотой век человечества

Есть еще один, наиболее интересный для нашего анализа вариант развития событий в доисторический период жизни человечества, приведший к созданию **особого образца райской жизни**. Это период, когда первые люди (если следовать библейской версии) уже перешли к земной жизни, но многочисленные нити продолжали связывать их с небесной сферой. Господь не покинул сразу и полностью изгнанных из небесного рая прародителей человечества и их потомков. Он следил за ними, оказывал поддержку, давал советы, наполнял их жизнь любовью. И эта любовь находила отзвук в сердцах людей.

Греховность еще не исказила внутренний мир новых земель, они оставались способными слышать и понимать Бога, еще не затуманилась земной суетой их душевная чистота и, как следствие, готовность жить по любви и совести. То есть данный вариант рая существовал для людей, еще сохранявших безгрешность и способность к непосредственным отношениям с высшими сферами. Чтобы разрушить окончательно эти отношения, нужно было еще одно предательство Бога, и оно произошло значительно позже, на исходе данного варианта рая.

Этот рай, в отличие от тех, что рассматривались выше, существовал здесь – на Земле, причем не как отдельный огра-

ниченный в пространстве оазис, но как закономерный этап жизни всего доисторического человечества. Однако назвать этот рай «земным» нельзя. **Это – небесно-земной рай.** Его существование обусловлено наличием тесной связи живущих на земле с небесными сферами. Без такой связи он был бы невозможен, как невозможен рай в сугубо земных условиях нашей исторической цивилизации, как он в принципе невозможен при отсутствии у людей связей с Богом и вечностью.

В мифах и преданиях разных народов мира этот этап безгрешного доисторического времени на Земле практически единодушно называется **золотым веком человечества**.

Примечание. Детальный анализ имеющейся информации о золотом веке представлен в нашей книге **«Золотой век человечества – что было, то и будет»** (М., 2010, 400 с.). Учитывая, что немногие читатели знакомы с ее содержанием, считаем необходимым в предисловии к новой книге кратко напомнить основные характеристики «золотого» периода в жизни людей. Они понадобятся в последующих разделах книги, при анализе современной цивилизации и сравнительных оценках динамики нашего мира.

Первое документальное упоминание о золотом веке относится к восьмому столетию до новой эры. За 400 лет до Платона один из первых мудрецов и поэтов Древней Греции Ге-

сиод в поэме «Труды и дни» пишет о людях того счастливого времени:

*Жили те люди, как боги, со спокойной и ясной душой,
Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела...
А умирали они будто объятые сном...*

Согласно Гесиоду, жившие в ту эпоху не знали страданий, сомнений, искушений, болезней, искусственности в поведении и лживости в словах, постоянно ощущали единство не только с окружающим миром, но и с вечностью, – в итоге оставались праведными и не боялись смерти. На земле не было войн, все жили в мире и согласии. Благополучию людей в тот период способствовали прекрасный климат, богатая растительность, хлебородные земли.

По мнению исследователей Древней Греции, свидетельства Гесиода заслуживают особого доверия. Он жил в то время (VIII век до н. э.), когда рационализм еще не был господствующей идеологией человечества и не опутанному рассудочными установками сознанию людей были доступны древние истины, позже заглушенные под догмами логического мышления. О том, что содержащиеся в трудах того времени описания не были пустой фантазией, говорит следующий пример. Немецкий археолог Г. Шлиман уже в XX веке, руководствуясь только сочинениями Гомера (современника Гесиода), подробно описавшего (в «Илиаде») Троянскую вой-

ну, нашел знаменитое золото Трои. Эта война была за много веков до Гомера, но он знал ее подробности и объективно изложил в своей поэме. В той же мере может заслуживать доверия и версия Гесиода о золотом веке. Тогда не сочиняли, но описывали то, что было. Современники неслучайно называли Гомера и Гесиода не поэтами, а историками.

Позже сходную картину золотого века рисует римский поэт Овидий, очевидно, заимствовав ее из греческих мифов: *«Первым посеян был век золотой, не знавший возмездья. Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность. Не было шлемов, мечей, упражнений военных не зная, сладкий вкушали покой безопасно живущие люди. Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой, плугом не ранена, все земля им сама приносила... Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях... Реки текли молока... Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба...»* (92, 471).

За золотым веком у Гесиода и у Овидия следовали, внося все больше регресса и страданий в жизнь людей, **серебряный век, затем медный, наконец, – железный век**, тяжелейший из всех других. В древней мифологии регресс человека (и его жизни) видится, как правило, неизбежным и завершающимся катастрофическим финалом. Тогда как в Новое время самой модной темой научной «мифологии» станет воспевание прогресса, ведущего человечество от худших времен к лучшим. Череда веков здесь изображается уже в обратной последовательности. Гесиоду и Овидию можно ве-

ритель хотя бы потому, что они лучше любой науки предвидели и сумели описать ужасы нашего «железного» века.

Древнегреческая и римская мифологии не одиноки в своей вере в существование золотого века. Преставление об особой начальной эпохе в жизни человечества повсеместно встречается как в наиболее ранних, архаических мифах, так и в мифах более поздних периодов практически всех народов мира. Этрусская мифология указывает на существование золотого века в изначальной жизни своего народа и характеризует его **как эпоху изобилия и всеобщего равенства**. О счастливой и привольной жизни первых людей говорится в китайской мифологии. Конфуцианство золотой век древности связывает с царствованием «священномудрого правителя Яо» (92). Мордовские предания выделяют в древней истории народа период, когда власть принадлежала культурному герою, основателю светской власти и «справедливому правителю» Тюштяну, и называют этот период золотым веком.

В иранской мифологии золотой век соотносится с семисотлетним правлением шаха Джамшида. Тогда якобы люди и скот жили бесконечно долго, источники и деревья никогда не высыхали и пища не истощалась, не было ни холода, ни жары, ни зависти, ни старости. Однако после того как пришедшими на смену Джамшиду правителями овладела гордыня и они возомнили себя независимыми от богов, счастливый век рухнул, началась эра царства зла.

Джайнская мифология описывает начало жизни как беззаботное время, когда люди все необходимое для жизни получали от богов и земли. Только по окончании этого периода **началась человеческая история**: постепенно появляются социальные институты, брак, погребальные обряды, труд, обучение людей ремеслам. Неуклонно сокращается продолжительность жизни, укрепляется социальный порядок. Одновременно нарастают нравственная деградация людей и их разделенность (91).

Тотемические мифы аборигенов Австралии рисуют предков способными восходить на небеса и вновь опускаться на землю, творить другие чудеса. Скандинавская мифология характеризует первый век жизни людей как гармоничный, наполненный радостью и спокойствием. В нем все из золота – видимо, в прямом и переносном смысле.

Шумеры древнего Междуречья, жившие уже за пределами золотого века – примерно в IV–II тысячелетиях до н. э., – сохраняли предания о древних людях, не знающих ни болезней, ни смерти. Обеспечивала им подобное состояние прямая связь с богами и вечностью. Из работ Платона и Аристотеля известна **древняя легенда о благодатной стране Гиперборее**. Греческие мифы помещали ее «за бореом» – северным ветром. Аналог данной легенды был известен и древним славянам. Характеристики гипербореев примерно те же, что и у субъектов других древних преданий: господство любви и всезнания, почти безграничная способность к

долголетию, связь с вечностью и свободный переход в нее в конце жизни.

Признание и аналогичное описание золотого века существуют в преданиях о Древнем Вавилоне и мексиканских преданиях, в мифах и легендах североамериканских индейцев и коренных народов Южной Америки. Эти представления не вызывали сомнений у жрецов Древнего Египта и адептов древних ведических религий Индии.

Особое место в мифологии о золотом веке занимает **легенда об Атлантиде**, изложенная Платоном более двух тысяч лет назад в произведениях «Тимей» и «Критий». Это – наиболее известное и подробное описание жизни людей «золотого» времени, с особой наглядностью дающее представление как об основных чертах доисторической цивилизации, так и о причинах ее гибели.

Платон искренне верил в реальность существования Атлантиды. В «Тимее» он пишет: это не какая-то *«легенда, вымышленная пустой забавы ради, а доподлинная история»*. В основе этой истории, поясняет позже античный геней в «Критии», письменные свидетельства древних египетских папирусов. Собственно, такая вера была характерна для многих поколений мыслителей той эпохи. Уже на закате Античности философ Прокл (V в. н. э), как бы обобщая свидетельства своих предшественников, писал: *«Знаменитая Атлантида не существует более, но едва можем мы сомневаться, что она существовала...»* (92, 81).

Есть очень большие основания верить в реальность мифа об Атлантиде, в которой очень высокая цивилизация подверглась нравственной порче и погибла.

Н.А. Бердяев

Государство, существовавшее когда-то на этом острове, не знало зла и несправедливости. Во главе его стояли лица божественных кровей, чистых и вечных идей. Все граждане были доблестны делами и добры душой. В пользовании благами природы были равны цари, знать, простые люди, мужчины и женщины. Никто не мог никому угрожать.

В жизни Атлантиды было столь недостижимое для всех известных истории цивилизаций сочетание материальных и духовно-нравственных благ, что Платон сразу почувствовал в ней образец идеального общественного устройства, сочетающего в себе, с одной стороны, человеческую доброту и мудрость, **с другой – внешнее благополучие и даже богатство людей.**

Платон с восторгом рисует богатства острова: наличие на нем всех необходимых ископаемых, множества диких животных, огромных лесных массивов... Остров поражал красотой и изобилием. Много было создано и руками людей: огромный город – с акрополем и царским дворцом, многочисленные каналы, верфи, ипподромы, гимназии, оросительные сети, водопровод, книги с иероглифическими текстами. Все говорило об умении атлантов творить реальные жизненные блага. Атлантида во всех отношениях была **бо-**

лее развитой страной, чем созданные несколькими тысячелетиями позже и известные научной истории Древний Египет, Древняя Греция, Римская империя.

Платон назвал **время расцвета и гибели Атлантиды** – 9 тысяч лет назад. Написал он это примерно за 400 лет до новой эры. Следовательно, от нашего времени золотой век Атлантиды отделяют 11,5 – 12 тысяч лет.

Интерес человечества к исследованию Атлантиды всегда был огромен. В последние десятилетия он только возрастает. Ведутся поиски развалин городов древней страны и мест их возможного расположения. Создаются лаборатории и научные общества, работающие по данной проблеме. Проводятся съезды исследователей Атлантиды. К настоящему времени число публикаций, отстаивающих реальность существования Атлантиды, превысило 50 тысяч наименований.

Создается впечатление, что на фоне неудач в деле построения «благословенной жизни» научно обоснованными средствами («по уму») мир переживает ренессанс интереса к древним мифам и легендам, загадкам исчезнувших цивилизаций, тайнам, хранящимся в египетских пирамидах и тибетских монастырях, происхождению непонятных для науки сооружений на острове Пасхи и рисунков в перуанской пустыне Наска...

Свидетельства выдающихся людей (гениев земной культуры), – способных через вдохновение и прозрение ощущать нечто истинное, закрытое для большинства людей привыч-

ным, суетным, – оказываются нередко важнее научного знания. Неслучайно говорят: гении рождаются «зрячими». Поэтому столь значимо их отношение к золотому веку.

На существовании доисторического идеального периода в жизни человечества настаивали пророки Ветхого Завета, древние китайские мудрецы Лао-цзы, Мо-цзы, Конфуций, мудрецы Ближнего и Среднего Востока аль-Фараби, Низами, Ибн Рушд, древние греческие гении Сократ, Платон, Солон и др., знаменитый поэт Древнего Рима Вергилий, более поздние философы-неоплатоники. Все они жили во времена, значительно более близкие к исходным этапам человеческого бытия на Земле. И дошедшие до них предания были в большей мере наполнены жизненным смыслом и имели больше оснований для доверия.

Сам факт, что у совершенно не связанных между собой писателей появляются сходные идеи, говорит о том, что за этим сходством скрывается нечто существенное.

М. Мамардашвили

К идее золотого века обращались писатели средних веков, эпохи Возрождения, Нового времени. Классик литературы всех времен и народов Сервантес создал «странствующего рыцаря», призванного вернуть идеалы золотого века в земную жизнь. «Я по воле небес родился в наш железный век, дабы воскресить в нем золотой, – провозглашает Дон Кихот, – сражаясь неустанно, доживем мы до золотого ве-

ка... Мир, дружба, согласие воцарятся во всем свете».

В этой же связи показательно обращение к мотивам золотого века российского гения Ф.М. Достоевского. Его всегда интересовали древние мифы и легенды о данном периоде жизни человечества. Он видел в людях того времени нечто светлое, эталонное, позволяющее чувствовать определенный оптимизм при разгребании человеческих мерзостей родного писателю XIX века. Наконец, как бы в назидание своему времени, он изложил – на редкость образно и убедительно (поистине гениально!) – версию того, что происходило на заре человеческой истории.

В фантастическом рассказе **«Сон смешного человека»** писатель рисует картину счастливого и безопасного бытия «людей солнца», а затем показывает процесс трансформации их сознания и падения в жизнь, которую принято называть «цивилизованной».

Согласно сюжету рассказа, его герой оказывается на планете, внешне похожей на Землю и в то же время качественно отличной от нее. Сама атмосфера здесь по-другому влияла на внутреннее состояние человека, его настроение. Все вокруг *«сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством»*. Почти физически ощущался принципиально иной характер отношений между людьми. Все определяла никогда не ослабевающая готовность каждого из них испытывать **подлинную любовь** к своим братьям и постоянно ощущать ответную любовь к

себе. Точно так же, на взаимной любви, строились отношения с окружающим миром, с природой, наконец, с Богом и вечностью. Это было **Царство любви**.

«Люди солнца» **всё(!) знали и понимали** без лишних слов. У них было некое иное, высшее знание (точнее – **всезнание**), принципиально отличное от того, что мы получаем на земле. Их не мучили потребительские запросы и стремление к прогрессу, поэтому они всегда были спокойны и доброжелательны. *«У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть, но старики их умирали тихо, как бы засыпая».*

Итак, согласно преданиям, почти все народы мира знали феномен золотого века. Этот факт не может быть случайным. Как не может быть случайным сходство характеристик данного периода доисторической жизни во всех ее описаниях.

Согласно древним преданиям, первой и главной отличительной особенностью того времени была **непосредственная связь мира людей с высшим миром**. Более того, это была родственная связь или связь Творца со своим творением. Выражаясь языком современной науки, в людях присутствовали и активно проявляли себя «божественные гены».

На заре человечества мир был в ином состоянии, чем наш исторический мир... и в нем границы, отделяющие этот мир от миров иных, не были еще столь резки.

Н.А. Бердяев

Постоянно ощущаемое родство с божественным началом жизни служило основой активности в людях **лучших человеческих качеств** и поддержания соответствующего этим качествам образа жизни. Они неизменно оставались мудрыми, проницательными, внутренне и внешне красивыми. Никто (и ничто) в ту эпоху не знал насилия, агрессии. Практически все предания едины в том, что **это была жизнь по любви и в Царстве любви**. Человек был другим – не разумом жил он, хотя и имел разум; все в его поведении определяла любовь.

Не было и нынешней языковой разделенности, все прекрасно понимали друг друга. Причем это понимание распространялось и на отношения с природой. **Устойчивое единение людей** обеспечивалось активностью духовного начала, имеющего выход на единый для всех высший центр, и общей атмосферой любви. Не было **страха смерти**. Люди жили свободно, не зная обременительности земной жизни и страха перед неизбежным уходом из нее.

Среди них не было узких специалистов, каждый был универсален в своих способностях и во всех отношениях был подлинно гениален, как универсален и гениален Господь. По словам апостола Павла, человек того времени *«имел дар пророчества и знал все тайны»*.

Наиболее значимое отличие людей золотого века от современников нашей цивилизации – в их **творческих возможностях**. Находящаяся в активном состоянии родствен-

ная связь с Творцом мира предопределяла наличие у людей того времени способностей к выдающимся творческим свершениям. Человек – по крайней мере, на начальной, восходящей стадии золотого века – был **почти бессмертен и почти всемогущ**.

Существует еще один факт, который упорно не хочет замечать научная психология, но который позволяет говорить **о золотом веке как закономерном явлении**. Речь идет об удивительном сходстве душевных особенностей людей золотого века и детей раннего возраста (во все времена). Иначе – о сходстве «детского» этапа в жизни человечества и детства каждого отдельного человека.

Согласно преданиям, именно **детскость** была важнейшей чертой людей золотого века, обеспечивающей им высшие связи и безграничные способности. Ребенок, только что пришедший в этот мир, имеет те же связи и те же сверхъестественные способности, которые когда-то имели «дети человечества». О наличии у младенца связи с **миром всезнания** говорят слова Иисуса, обращенные к Отцу: *«Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам»*. Широко известный феномен вундеркиндов – одно из наиболее ярких проявлений необычных возможностей мира детства.

Любовью жили люди золотого века, с такой же установкой приходит в этот мир и новорожденный. **Любовь** – это нечто самое истинное, что чувствует (еще в утробе матери) и в чем остро нуждается ребенок. Как и у людей золотого ве-

ка, у младенца **нет страха перед смертью**. Ребенок в той же мере и по тем же характеристикам отличается от взрослого, по каким отличен современник золотого века от человека нашего времени. Досознательное и доисторическое время одинаковы в своей сути, налицо подобие двух видов детскости. Почти по аналогии с золотым веком Л.С. Выготский, классик российской психологии, называл первый год жизни ребенка *«доисторической эпохой»*. Не случайно Иисус именно в детскости видел пропуск в райские покои иной жизни: *«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф, 18:3).

Приобретенная в 3-5 лет разумность жестко подавляет у ребенка первые формы внутреннего реагирования – те, что от Бога. После чего **амнезия беспощадно стирает** любое представление о его прошлых связях и возможностях. И в действии амнезии детство человечества подобно детству человека. Получается, что мы упорно не хотим признать возможность существования золотого века, хотя этот век постоянно сопровождает нас, повторяясь в каждой индивидуальной истории.

Объективные свидетельства существования золотого века

Если о рае для умерших праведников мы можем судить лишь по догадкам и предположениям, то объективные свидетельства жизни и творческой деятельности человечества в рамках золотого века способна обнаружить даже наука (в частности, археология). Эти свидетельства подтверждают известное утверждение (Бердяев и др.), что райская жизнь людей золотого века – это не пассивное существование в окружении дарованных Богом благ, но радостный и весьма результативный творческий труд. Его плодотворность – опять же, сверхъестественная по нашим меркам – обеспечивалась безграничными творческими возможностями безгрешных людей, почти подобными возможностями Бога. Поэтому достижениям современной цивилизации по многим показателям еще надо расти до тех, которые знал золотой век.

К настоящему времени обнаружено множество материальных свидетельств – каменных сооружений, непонятных рисунков и надписей, украшений, керамических изделий и др. – существования доисторической цивилизации, гораздо более древней, чем Вавилон, Древний Египет, Древняя Греция. Их находят во всех концах света, и ни один гид или исследователь не может объяснить: **откуда они и о чем сви-**

детельствуют?

Хорошо известно и столь же непонятно, при наличии общемирового интереса, знаменитое каменное **сооружение Стоунхендж** на юго-западе Англии. Показательно, что вес камней и плит, из которых сложен Стоунхендж, – от ста до трехсот тонн. А карьеры, где эти камни были добыты, нередко находятся на удалении более двухсот километров. Данная конструкция поражает своим величием и загадочностью. Кто ее создал, что за мощности использовались при этом? Ответов нет!

На территории Ближнего Востока археологи находят все новые основания (фундаменты) древних зданий, имеющие возраст не менее 11 тысяч лет. По качеству использованных материалов и степени сохранности они превосходят то, что было построено в этом же регионе спустя 7-8 тысячелетий – во втором тысячелетии до н. э.

Обнаружены остатки целых городов, происхождение и качество обустройства которых не поддаются логическому объяснению и разгадка которых так и не найдена. Один из таких древнейших городов археологи обнаружили **на севере Индии, в долине реки Инд**, где, по научным данным, ранее могли жить лишь немногочисленные дикие племена.

Загадкой для науки остаются **гигантские рисунки в перуанской пустыне Наска**, как и сохранившиеся в течение тысячелетий наскальные рисунки австралийских аборигенов, рассказывающие о путешествиях их более разви-

тых предков. Столь же загадочен обнаруженный под водой «**Мост Адама**» – древняя каменная дорога, соединяющая Индию и Шри-Ланку. Перечень подобных находок археологов почти бесконечен.

Особое место в этом перечне занимают **древние пирамиды**. По мере совершенствования методов определения возраста используемых в строительстве материалов все дальше вглубь веков уходит время сооружения пирамид. Теперь это уже не 2-3 тысячелетия, как считалось ранее, а 10-12 тысяч лет. Значит, Египет эпохи фараонов получил их в наследство от более древней цивилизации. И по многим показателям – более развитой. Кроме того, за последние десятилетия подобные сооружения обнаружены в Центральной и Южной Америке, в Крыму, на Кольском полуострове, в Сибири, в вечной мерзлоте и на экваторе, под землей и под водой, под льдами Антарктиды...

Становится очевидным, что пирамиды изначально строились совсем не как гробницы. Что-то иное, еще неразгаданное несут они современному миру. Столь же древним и загадочным остается феномен **египетского сфинкса** – каменного сооружения, представляющего собой фантастическое существо с телом льва и головой человека. По мнению многих исследователей, его возраст тоже превышает 10 тысяч лет.

Теперь уже хорошо известны материальные свидетельства существования **древних цивилизаций индейцев Цен-**

тральной и Южной Америки. Они тоже знали непостижимые (для научного миропонимания) высоты в своем развитии. До сих пор сохранились огромные города, покинутые людьми много столетий назад. В медицине им было ведомо лечение рака, эпилепсии, гепатита, хирургические операции на головном мозге.

Не имеющих объяснения данных о доисторическом прошлом накапливается все больше. Их следствием стало даже появление **«альтернативной истории»** и представление о господстве в нашем мире не эволюции, а **деволюции человека.**

Масштабы присутствия подобных свидетельств на планете говорят о том, что доисторическая цивилизация не была очаговым явлением. Это – **не отдельный «остров» в океане первобытности, а общий этап в жизни человечества.** Можно говорить о существовавшей в то время мировой цивилизации золотого века. Как утверждал в своей версии Достоевский, *«вся земля здесь была повсюду одним и тем же раем».* Нередко высказывается предположение, что цивилизацию в Атлантиде создали пришельцы из космоса. Возможно, на одном острове они могли что-то сотворить. Но в масштабе всей Земли – маловероятно. Золотой век – не прихоть внеземных цивилизаций. Это – закономерное явление процесса развития человека и человечества. И оно – в воле Бога. Модные нынче идеи о действиях инопланетян – это, скорее всего, выдумка идеологов сатанинского мира,

имеющая целью подменить Господа некой технологически развитой внеземной цивилизацией, якобы сотворившей все то, что верующие связывают с волей Всевышнего, и в конечном счете увести людей от Бога.

Причины гибели подлинного устройства жизни

Почему не получается построить рай в земной жизни? Отчасти ответ на этот вопрос может дать анализ причин падения золотого века. Важнейшее условие райской жизни – наличие связи с Богом. Пока торжествовало Слово Господне, существовал и рай для людей. Нарушение этого условия оказывается и **основной причиной крушения** райского процветания.

Предваряющее катастрофу искушение, как правило, было связано с победой веры в собственный разум (и познание) над верой в Бога. Господство разума вело к искажению чувства истинной веры и любви. После этого, по версии Достоевского (43), пришли гордыня, зависть, бессовестность, жестокость, вражда, союзы одних против других. Что раньше было очевидным, естественным, теперь покрылось ложью, и **потребовалась наука**, чтобы пробиться к очевидной ранее истине. Потребовалась и **медицина**, чтобы лечить неискренних и страдающих от болезней людей. Для организации жизни понадобились **законы**, жесткие правила, **карательные органы**.

Люди стали мучить и переделывать под свои не всегда адекватные нужды животных. Животные удалились от них в леса и стали их врагами. Появились непреходящие опасно-

сти и скорби.

Теперь они верили только в науку и считали, что с ее помощью отыщут новую истину и построят счастливую жизнь. *«Наука даст нам премудрость, – рассуждали (были убеждены) они, – премудрость откроет законы, а знание законов счастья – выше счастья»* (43). Все стало искусственным, надуманным, по уму выстроенным, **«сознание жизни» стало выше самой жизни, знание – выше чувства**. Извратилась ключевая для прошлой жизни способность любить. Теперь *«каждый возлюбил себя больше всех...»*.

Скоро **амнезия** стерла в их памяти представления о былой жизни. *«Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы»* (43). Они даже смеялись над возможностью такого счастья и все рассуждения о нем называли пустой мечтой, фантазией. Такой сценарий крушения золотого века приводит Достоевский.

Еще более жесткий вариант губительного падения доисторической цивилизации описывает Платон в легенде об Атлантиде. Согласно его трактату, **прежде чем исчез остров, духовно и нравственно погибли сами атланты**. Чисто физический вариант гибели острова здесь вторичен. Цивилизации исчезают, когда внутри их граждан глохнет духовное начало, теряют значимость нравственные ценности, стираются различия между добром и злом. В итоге народ становится творчески бессильным и открытым всем бедам и опас-

ностям. В таком состоянии он обречен если не на мгновенную гибель, то на неизбежную деградацию до самого последнего предела. Пожалуй, в наше время уже глобальное человеческое общество повторяет, почти в деталях, гибельный путь атлантов.

По мнению многих исследователей, включая знаменитого Тура Хейердала, именно Атлантида должна была стать праматерью всей человеческой цивилизации. Но не стала. Образцом стала ее судьба, согласно которой нарушение приоритета духовных ценностей и их гармонии с ценностями материальными ведет к деградации и всеобщей гибели.

Падение цивилизации золотого века по причинам и механизмам происшедшего – далеко не уникальное явление для человечества. Человек утратил подлинность, исказил свой внутренний мир – искаженной стала и вся система его жизни. Поэтому все последующие цивилизации (империи) были уже обречены на периодическое саморазрушение и гибель – каждый раз после некоторого времени их греховного процветания и, как следствие, нарастания концентрации зла внутри людей и в их жизни.

Известно, что причиной гибели всемогущей **Римской империи** (в середине первого тысячелетия) стали не войны и нашествия варваров, а падение правителей государства, затем и большей части народа в безнравственность, разврат, идолопоклонство, полное пренебрежение заповедями Бога. Примерно та же схема падения у **Византии**. Она, как и Рим-

ская империя, задолго до внешней экспансии созрела для своей гибели под гнетом внутренних, духовных проблем. **Гибель СССР** – уже современная иллюстрация глубинного характера причин гибели империй и цивилизаций. Такой исход закономерен для любого варианта рациональной цивилизации, кичащейся приверженностью прогрессу, но **ведущей людей по пути деградации в своей внутренней ипостаси**, то есть по пути регресса (деволюции). Все внешние проблемы порождаются затем изнутри человека.

Современная историческая наука не знает золотого века и не верит в его существование. Но она толком не знает и многого другого, даже того, что происходило не 10-12 тысяч лет назад, а в прошлом и позапрошлом столетиях. Нестыкówek во мнениях историков множество. Куда более близкие к нам события остаются под сомнением: было ли крещение Руси, где и когда произошло Куликовское сражение, кто первым открыл Америку? Принципиально различны взгляды историков даже на совсем близкую к нашему времени Вторую мировую войну.

В одной из книг Карлоса Кастанеды есть показательный пример: над племенем, живущим в джунглях Латинской Америки и полностью оторванным от внешнего мира, ежедневно в одно и то же время пролетал крупный воздушный лайнер, рейсовый самолет. Но туземцы его не видели и не слышали. Он для них не существовал, ибо не вписывался в их картину мира. Его наличие невозможно было объяснить с

точки зрения тех представлений о мире, в которых они были абсолютно уверены.

Точно так же не вписывается в господствующее ныне миропонимание золотой век, и наука отказывается признать возможность его существования, несмотря ни на какие доводы и факты. Она боится такого знания, всячески отрещивается от него, чтобы не рухнула вся конструкция привычного.

...наука хочет всеми силами удержать нас в этом опрошенном, насквозь искусственном, складно сочиненном, складно подделанном мире.

Ф. Ницше

Плененные эволюционной теорией научные представления уже столетиями топчутся на месте в деле познания человека и его истории. Идея непрерывного прогресса слишком неестественна в своей однозначности. Она хороша для технической сферы, но не для человека, его духовного мира. Вполне возможно, что наш истинный предок был ближе не к животному, а к божественному началу жизни. Следовательно, на каком-то этапе бытия он трансформировался не по пути приобретения чего-то сверхживотного, а через умаление, вытеснение с авансцены жизни высшего, божественного в себе. Первобытность (а затем и рациональная цивилизация) – трагический финал исходного великолепия людей и их бытия.

Остается вопрос, кто держит людей уже тысячелетиями в плену надуманных догм и убеждений, лишая, по сути, воз-

возможности сохранять свою внутреннюю подлинность и жить в изначально уготованном для них раю. Можно предположить, что этот разрушитель – в угоду князю мира сего – исконных душевных качеств людей и их перспектив жить в лучшем для себя мире находится внутри каждого из нас. Причем он умеет представляться (подобно своему демоническому хозяину) постоянным спасителем человека и оплотом его самых светлых надежд на будущее. Обращение к золотому веку позволяет утверждать, что имя этого лживого идола – **разум**. Господство разума исказило внутренний мир людей золотого века и искажает сознание людей сегодня – в каждой индивидуальной истории (110).

В заключение заметим: **без золотого века как эталона** не с чем сверять то, что мы уже построили, и то, к чему стремимся; невозможно адекватно оценить все происходящее в жизни современной цивилизации, как невозможно оценить и самого человека с его качествами – то ли естественными, то ли искаженными цивилизацией. Даже если бы золотого века не было, его следовало бы придумать. Человечество должно иметь перед собой образец подлинной (идеальной) жизни. Без такого образца нельзя строить рай – непременно заблудишься и окажешься в аду.

Введение

Человечество должно обновиться в своем мировоззрении, если оно не хочет погибнуть.

А. Швейцер

Нынче суждений о том, что человечество – на грани глобальной катастрофы, предостаточно. Неизбежность апокалипсиса уже как бы не вызывает сомнений. Рассматриваются только возможные его варианты. Их множество. Назовем самые популярные – ядерный, ледниковый, космический, вирусный, техногенный, экологический, продовольственный, солнечный, психиатрический, наркотический, связанный с нашествием инопланетян и т. д.

Для нашего анализа неинтересен вопрос, в каком варианте возможен апокалипсис. Скорее всего, классический апокалипсис в ближайшее время – ни в каком. Важно другое: мы так увлеченно перебираем эти варианты, потому что внутренне созрели для апокалипсиса. Как в свое время созрела древняя Атлантида. Ощущаем «душой и телом», что подошли к краю пропасти и до глобальной катастрофы остается один последний шаг. Собственно, предвещающий катастрофу системный разлад уже начался.

Нынешние кризисы сотрясают нечто глубинное, фундаментальное, то, что является основанием современной ци-

визации. Налицо кризис идеи прогресса, кризис веры в науку и «грядущую неизбежность торжества разума», кризис морали, кризис права и веры в возможность равенства людей перед законом, кризис западного рационализма в целом. Кризисное состояние уже видится неизлечимым, привычные взгляды на происходящее ничего не объясняют, а традиционные рецепты выздоровления не приносят. Становится очевидным, что дальнейшее движение по накатанному руслу ничего спасительного дать не способно, возможно только ухудшение ситуации. Глубинный, фундаментальный перелом в жизненной идеологии человечества неизбежен.

Евангелие предсказывает, что перед «концом времен» мир людей окажется в ужасном состоянии. Об этом «ужасном состоянии» можно говорить уже сегодня. В нынешней жизни мы постоянно «бесимся». Множатся немотивированные расстрелы людей на улицах, в офисах и школах, кровавые разборки между автомобилистами на дорогах, острейшие конфликты между соседями, супругами, родителями и детьми. Родители убивают своих детей, дети «заказывают» родителей. В порядке вещей стало оскорбить, избить, убить человека. По данным Института психологии РАН, в России, например, 80 % убийств совершается в состоянии спонтанной агрессивности, без злого умысла и корысти. Мир наполнен черной энергией скандалов. В каждую единицу времени число губительных происшествий, трагедий, невзгод в жизни людей неуклонно нарастает. По этому показателю время

как бы уплотняется, и каждый новый его отрезок несет все больше и больше угроз людям, странам, человечеству в целом. Человечество стремительно сатанеет. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть новостные программы любого дня. Всюду – вражда, ненависть, ложь, страдания.

Священное Писание предупреждает: придет время, когда люди будут бояться друг друга. Видимо, такое время пришло. Мы уже боимся не только бандитов, но и соседей по дому, коллег по работе, спутников по транспорту и даже (или больше всего) встречных полицейских. Из страха носим с собой газовые пистолеты, сооружаем металлические двери и решетки на окнах, нанимаем телохранителей.

Наша жизнь в корне отличается от жизни современников золотого века. Хотя внешне мы такие же, как они, и планета у нас одна и та же. Видимо, **причина этих разительных отличий – внутри нас. Мы психологически стали другими.** Нам уже трудно представить, как можно жить по совести и любви – без жестких законов и карательных структур. Отсюда и жизненные различия.

Все в мире зависит от того, какие силы и потребности властвуют внутри человека, определяя его поведение в материальном мире. В эпоху золотого века во внутренней жизни людей доминировали любовь, совесть, вера в Бога, душевная активность. Разум исполнял роль второстепенного, вспомогательного инструмента. Более того, при наличии «всезнания» его анализ и синтез были почти не нужны людям. И в

мире отсутствовали зло, насилие, несправедливость, ложь.

Затем мы практически отвергли Бога, забыли о душе и духовности, уверовали в «божественные» возможности разума и связанного с ним познания. Превратили разум в «самодержавного властелина», главенствующую силу жизнедеятельности людей. Убедили себя, что нужно жить не по любви и совести, а **по уму и только по уму**. В итоге мир стал таким, какой он есть, из рая превратился в ад.

Свойственная разуму тяга к внешним эффектам, расчетливости, выгоде, жизненному успеху оказалась более привлекательной для земного мира, чем то, что издают духовные струны в человеке, призывая к совестливости, неприязнательности, жертвенной любви. Духовность и рациональный подход, как правило, оказываются несовместимыми в жизни. Нельзя удержать в единой согласованно действующей упряжке живущую сердцем «трепетную лань» и напористого, лживого мозгового монстра; по сути – божественное и дьявольское. Попытки создать подобную упряжку ведут к тому, что лидером становится более настырный и бесцеремонный в этой паре. Желание жить «по-умному» входит в противоречие с исходной потребностью людей жить по совести и в конечном счете побеждает эту потребность. Разум становится монополистом психической жизни. К началу Нового времени ему уже было дозволено олицетворять собой человеческую сущность. В итоге человек получает имя «разумный» (*Homo sapiens*), а цивилизация становится «рацио-

нальной».

Отношение к разуму составляет одну из вечных дилемм человеческой истории. На протяжении многих веков разум и воспевали – как освободителя от жизненного хаоса и строителя будущего счастья, – и проклинали, как можно проклинать своего поработителя, тюремщика. Издревле установкам на совершенствование разума, как «основы человеческой добродетели», противостояли призывы совсем другого свойства – требовали освободиться из плена разума, заставить его умолкнуть, сбросить «ментальную завесу», ограничивающую индивидуальные возможности человека и заставляющую его страдать. Столетиями преследуют человечество неразрешимые сомнения:

- разум – это вечная и главная человеческая способность или навязанный текущей жизнью инструмент приспособления к определенным образом организованному бытию;
- разум своей активностью расширяет возможности познания и взаимодействия с окружающим миром или ограничивает их;
- ум является залогом жизненного счастья, или он лишь умножает страдания;
- разум всемогущ или, напротив, в самых сложных ситуациях беспомощен;
- разум делает более свободным человека или закрепощает его;
- наконец, разум – на службе у Бога или у дьявола?

Эти вопросы – часто подспудные, не всегда четко видимые в ярком свете внешних побед разумности, – зреют, требуют ответа и сегодня. Ответ на мучительнейший вопрос «Что есть человек?» также во многом зависит от того, как определить роль и место в его жизни разума. То ли разум есть нечто высшее, сущностное и поэтому обоснованно требующее именовать человека «разумным»?! То ли – частное, произведенное для временного пользования чем-то иным, значительно более важным, **подлинно сущностным внутри нас?!**

Разумность в XX веке оккупировала все сферы человекознания – психологию, педагогику, медицину, этику, социологию... Стало нормой все решать рационально, логично. Влияние на жизнь других, истинно человеческих качеств – любви, совести, сострадания, душевности – сведено к минимуму, или они искажены и приспособлены под себя разумом. Мир явно перенасытился рассудочностью и не знает, чего теперь ждать от нынешнего состояния – это уже тупик, или есть еще какие-то перспективы на привычном пути? Рассудочность застряла в нашем сознании подобно тромбу, определить направление дальнейшего движения которого невозможно.

Мы стремимся все понимать, но, как правило, не понимаем, что творим на каждом шагу. Уже в течение столетия хотим, по Фрейдю, бессознательное – «темное», «гадкое» – вывести на свет разума, но никак не можем стать сознатель-

нее, не можем уменьшить власть над собой пороков и психических недугов. Мы постоянно совершенствуем свой разум, но он остается все таким же – корыстным, ищущим только выгоду, готовым все делить и противопоставлять друг другу, **обещающим рай и приводящим в ад**. Умно и одновременно счастливо жить не получается.

Для нас привычно объяснять неудачи социального строительства, природу кризисов и все негативное в человеке недостатком разумности. Но, скорее всего, причина наших бед в обратном – в том, что мы полностью уверовали в разум и безропотно идем по жизни под его монопольным руководством. Власть разума хороша для технического прогресса, но губительна для духовной и психической жизни людей. Ибо все «омышленное», сотворенное «по уму» есть механическое извращение естественного – и духовного, и природного. Поэтому и идем мы под властью разума от кризиса к кризису. Подобное не может продолжаться бесконечно – видимо, финальное крушение более чем двухтысячелетней **эры разума** близко и неизбежно.

В заключение вспомним, о чем любил спрашивать своих учеников великий Нильс Бор: *«Достаточно ли безумна эта теория, чтобы оказаться истинной?»* Предлагаемую нами концепцию вполне можно назвать «достаточно безумной». Не только в переносном смысле, который имел в виду Н. Бор, но и в прямом – в ее отношении к роли и возможностям разума. Может быть, в этом также доказательство ее истинно-

сти?!

Глава 1. Разум в контексте исторического пути человечества

Две крайности: зачеркивать разум, признавать только разум.

Б. Паскаль

1.1. Выход разума на авансцену мировой жизни. «Ось времен»

...Интеллект – это ветка дерева, за которую мы схватились, оказавшись над пропастью.

Д. Судзуки

1.1.1. Мучительный поиск оптимального варианта приспособления к чуждой действительности

Каждое выросшее в природе существо предусмотрительно на генетическом уровне обеспечивается теми или иными защитными средствами – например, теплым шерстяным покровом, физической силой, клыками, когтями, высокой

скоростью передвижения, спасительным умением лазать по деревьям, маскирующей окраской, наконец, передаваемыми по наследству и автоматически раскрывающимися после рождения приспособительными инстинктами. Только человек оказывается выброшенным в реальную земную жизнь голым, замерзающим, со всех сторон подвергающимся опасности, не имеющим ни физической силы, ни клыков, ни когтей, ни умения быстро бегать. Нет у него и инстинктов, которые могли бы вести по жизни.

Столь неприспособленными оказались люди золотого века, выжившие при его крушении. С природой, как мы помним, они рассорились, утратив на исходе золотого века связующую с ней любовь. Звери, да и природа в целом, уже стали их врагами. Опыта жизни во враждебной среде у них не было. Как не было и требуемых такой средой физических сил и возможностей.

Примерно в таком же плачевном состоянии оказываются в земной жизни и люди, являющиеся – допустим это! – только продуктом эволюции. Согласно эволюционному учению, мелкие мутационные изменения подвели предков человека к внешнему виду и внутреннему состоянию, свойственному современным людям. Потом последняя решающая мутация – скачком – дооформила это состояние, и «новые», уже подобные нам люди оказались внутри чуждой им природы. Их положение было столь же незавидным, как и у бывших жителей золотого века. Для большего понимания ситу-

ации можно представить состояние современников XXI века, оказавшихся вдруг, без привычных технических средств и навыков борьбы за свою безопасность, в зарослях первозданных джунглей.

Но угрозы древним людям исходили не только из внешней среды. Еще в большей мере им **угрожало состояние их же внутреннего мира**. Кажущийся сумасшедшим домом внешний мир порождал не меньший хаос и во внутренней жизни каждого человека того времени. Неустойчивость сознания, повышенная эмоциональная возбудимость, подверженность необъяснимым тревогам, резкие переходы от спокойствия к страху, от умиротворения к ярости и обратно, немотивированное бешенство, предельная агрессивность, результатом которой в любой момент могло стать беспричинное убийство ближнего, – все это характеристики людей, оказавшихся в принципиально новых жизненных обстоятельствах, под давлением пугающего ощущения бессмысленности и неподвластности бытия (62). Они были опасны друг для друга в большей мере, чем был опасен для них окружающий мир.

Пока человек жил в непосредственной связи с Богом, Его поддержка и любовь были достаточным основанием благополучной и безопасной жизни. Собственно, для такой жизни он и создавался. В земных условиях приходится рассчитывать только на себя. Правда, у человека оставалась данная Богом изначально **почти безграничная способность**

к творчеству и, главное, к самотворению – способность сформировать у себя любое качество с учетом требований среды. Но какой образ жизни и какие личные качества наиболее пригодны для обеспечения безопасности и благополучия в новых сложнейших условиях? Подсознательно поиски спасительного образа жизни и необходимых в такой жизни индивидуальных особенностей шли непрерывно. Варианты могли быть разные.

Один из вариантов – вернуться в состояние далеких предков, живших еще до золотого века, которые во многом были подобны животным и чувствовали себя относительно приспособленными к земным условиям. Или даже полностью вернуться в животный мир. Наглядный пример такого возвращения – известный литературный герой Маугли и множество других подобных примеров уже из реальной жизни. Человек способен почти на безграничные трансформации самого себя и может сформировать практически любые нужные для жизни индивидуальные качества. Например, со временем он может приобрести шерстяной покров, нарастить физические возможности, выработать инстинкты и соответствующие им формы поведения. Возможно, **таинственный снежный человек** – с его густой (теплой) шерстью, физической мощью, телепатическими способностями – является результатом такого возвращения в природу обычного человека.

Отчасти похожий вариант приспособления к жизни име-

ет место у известных антропологам «изолянтов», живущих в полной изоляции от современного мира в, казалось бы, крайне враждебной для обитания человека среде первозданных джунглей. Они нашли возможность жить в гармонии с такой средой – познали ее ритмы и требования, почувствовали уважение к ней (взамен ушедшей любви) и вполне успешно существуют без какой-либо помощи извне. Живут «как птицы», не ведая, что такое планирование поведения, что такое прогресс, совершенствование себя и окружающего мира, что такое зло и добро, рай и ад. Им в голову не придет казнить себя за неудачу на охоте, расстраиваться по поводу своей роли в общине, искать варианты реванша. Поэтому они не знают лжи, распрей, психических недугов. Прислушиваются лишь к зову «голосов» умерших предков и указаниям лидеров племени, которые могут «расшифровывать» эти «голоса». «Ментальная завеса» не разделяет их с природой. Они прекрасно чувствуют (предчувствуют!) любое грядущее изменение в ней, и никакое стихийное бедствие не способно застать их врасплох. Последствия губительного наводнения 2004 года в Юго-Восточной Азии дали почти классический пример в этом отношении. Живущее на одном из островов данного региона первобытное племя, вопреки опасениям ученых, оказалось далеко не беззащитным и не погибло от цунами. Далекие от цивилизации люди заранее почувствовали опасность и поднялись в горы.

Эти люди развили (или сохранили) в себе – как жизнен-

но необходимое для пребывания внутри природы – то, что мы подавили, заглушили на путях разумности, избрав доминирующим регулятором поведения логическое мышление с его анализом и синтезом. Поэтому в той же природной катастрофе 2004 года тысячи «разумных» людей опасности не почувствовали и были уничтожены волнами цунами. Разные внутренние силы активированы и используются в интересах своей безопасности людьми этих двух миров.

Данный вариант спасения, сколь бы он ни казался диким представителям цивилизованного мира, прошел проверку временем и уже тысячелетиями остается незыблемым. Более того, он совсем не кажется чем-то «диким» самим субъектам такой жизнедеятельности. Как показывают контакты с «изолянтами», им невообразимо дикой кажется наша жизнь.

Еще один вариант внутреннего и внешнего спасения связан с попыткой древних людей вновь вернуться под опеку высших сил, тем более что у них были еще горячи подспудные воспоминания о золотом веке.

Основанный на таких воспоминаниях особый вариант жизненной определенности сумели внести в свое бытие **древние греки**. Для спасения от непонятного и мучительного хаоса повседневных событий они выдумали целый Олимп с богами и спокойно начали объяснять все нюансы своего бытия проявлением их воли. По выражению Ницше, *«грек знал и ощущал страхи и ужасы существования: чтобы иметь вообще возможность жить, он вынужден был за-*

слонить себя от них блестящим порождением грез – олимпийцами... по глубочайшей необходимости создать этих богов» (98, 477).

Спасительным для психики стало убеждение: **все в воле богов**. От человека требовалось лишь поведение, якобы отвечающее установкам свыше. Винить при неудачах что-то в самом себе – свои способности, характер, знания – эллинам не приходило в голову. Они не видели никаких связей между собственной сущностью и своим существованием в этом мире. Как следствие, не было тяжести личной ответственности за происходящее, груза планов на будущее, внутреннего самокопания, рефлексии, стремлений к чему-то лучшему, великому. Не было и необходимости улучшать или менять свои душевные качества, – ведь от них все равно ничего не зависело. Эллы могли совершенствовать внешнюю красоту (в Афинах) или физическую силу, выносливость, добиваться физического совершенства (в Спарте), но не свой внутренний мир. Древним грекам было чуждо то, что в Новое время было определено как **«страдание человека самим собой»** (109). Боги спасали их от внутренней распятости, душевного перенапряжения, значит, и от невроза, депрессии, других психических расстройств, столь обязательных для современного человека.

Казалось бы, мифотворчество – не более чем безумие, наивность, нелепейшая иллюзия. Но иллюзия древних греков была не хуже любой из тех, которые уже в наше время

мы называем «научными», «научно обоснованными». Миф о всевластии богов позволял объяснить происходящее в жизни, закрыть все проблемное, неясное, объединить в единую целостность не поддающуюся иному объяснению бесконечную череду светлых и темных полос бытия. Благодаря этому мифу греки имели возможность просто жить, каждый час действовать по принципу «здесь и теперь», – не мучая себя познанием добра и зла, совершенствованием своего настоящего и устремлениями к «светлому будущему». Библейская дилемма отношения к Древу жизни и к Древу познания добра и зла у них безоговорочно решалась в пользу приоритетности первого.

Древние греки не были уникальны в своей преданности выдуманному богам Олимпа. В ранней древности почти каждая родовая община имела свой пантеон богов и столь же спасительную – от жизненного хаоса – веру в их непосредственное влияние на каждый поворот персональных и общинных судеб (117). Наличие столь распространенного периода политеистических верований в истории человечества может свидетельствовать о близости той эпохи ко времени золотого века и повсеместном давлении на подсознание людей воспоминаний о недавней райской жизни под покровительством высших сил. Причем, в отличие от нынешних межрелигиозных отношений, в тот период не было нетерпимости, враждебности в отношениях между группами людей, являющихся адептами разных пантеонов богов. Что, в свою

очередь, переносилось и на повседневные, светские отношения между людьми. Например, по словам В.С. Поликарпова, *«древние египтяне были гостеприимны как к чужим богам, так и к каждому чужеземцу, желающему поселиться в их стране»* (117, 289). В этом также могло подспудно проявляться влияние еще близкого золотого века. Кроме того, подчинение воле богов, пусть и иллюзорных, способствовало внутренней умиротворенности людей и смягчению их нравов в общей системе взаимоотношений. Да и разум еще был не способен извращать эти отношения.

История, по определению К. Ясперса, есть не что иное, как смена иллюзий (162). Поэтому спустя столетия на смену мифам первобытного общества и верованиям древних греков (египтян и других народов) приходят – в качестве очередного спасительного средства – монотеистические великие религии. А затем, уже как в калейдоскопе, все новые и новые общественно-научные мифы – типа марксизма, национал-социализма, рыночного процветания, – вроде бы объясняющие жизнь и рисующие для нее радужные перспективы. В иллюзии верит слабый, страдающий человек. Таким он был на заре своей истории – когда впервые был вынужден противостоять чуждой окружающей среде и столь же чуждой и опасной собственной натуре. Таким же остается и сегодня – **после тысячелетий практически бесплодного познания себя и мира**. Поэтому точно так же готов полностью и безоглядно отдаваться любой иллюзии, тем более ес-

ли к ней прилеплено определение «научная».

Постепенно время безоговорочной веры в богов Олимпа (и других пантеонов) заканчивается. Предложенное этой верой чисто механическое подчинение богам было в корне от-лично от того, чем жили обитатели Эдема и люди золотого века. Древние эллины не знали любви к выдуманным богам, не считали возможным собственное подобие им в творческих потенциях. Разочарование в таких однобоких отношениях было неизбежным. Попытка спасти себя от страданий на века с помощью искусственно сочиненных «Небес» не удалась, нужно было искать что-то другое и уже в ином направлении.

Внимание людей того времени переносится на поиск спасительных сил и возможностей внутри себя. Сам человек со своими внутренними качествами начинает рассматриваться причиной всего происходящего в мире, следовательно, и той силой, которая способна это происходящее изменить, упорядочить. Это был, безусловно, **выдающийся поворот в мировоззрении древних людей**. Но представления того времени о внутреннем мире человека были аморфными, можно сказать, темными, никакими. Поэтому началось активное структурирование человеческой психики, выделение в ней отдельных тенденций и феноменов. Тогда и появились первые представления об особых возможностях в деле упорядочения всего происходящего во внешнем мире и внутри человека его **разума**.

Нобелевский лауреат по биологии Т. Сент-Дьерди называл разум (интеллект) средством защиты и обеспечения существования человека в земном мире. В этом отношении он подобен когтям, клыкам, физической силе (выносливости) и даже способности к мимикрии, помогающим выжить другим существам. Разум как средство спасения человека, утратившего все иные формы защиты, и выходит на арену жизни в тот страшный своим хаосом период.

*Мозг есть не орган мышления, а орган выживания,
как клыки и когти.*

А. Сент-Дьерди

Удивительно точна метафора Д. Судзуки: *«Интеллект – это ветка дерева, за которую мы схватились, оказавшись над пропастью»*. Можно добавить: над бездонной и жуткой пропастью жизни. Причем – жизни без Бога! Надо, несколько забегая вперед, заметить, что за эту «ветку» мы держимся уже тысячелетиями. Нам страшно выпустить ее из рук. Но она не вечна, все громче ее треск под нашей тяжестью. Укрепить «ветку разумности» мы пытаемся наращиванием эффективности технических средств, вроде бы расширяющих возможности разума, – например, компьютера, Интернета. И не замечаем того, что этими «подпорками» еще глубже замуровываем истинно человеческое в себе, еще больше подавляем ту полученную от Бога силу, которая способна породить нечто иное, кроме нашего умения, судорожно уцепившись, висеть на одной и той же «ветке».

1.1.2. Самая великая революция в истории человечества

Отдельные обращения к феномену человеческой разумности можно встретить в древнеиндийских Упанишадах и Ветхом Завете, в частности, в законах Моисея. Вполне «разумно» действовали, например, древние египтяне, жившие за две-три тысячи лет до новой эры. Но это было как бы стихийное пользование разумом в неразделимой совокупности со всеми другими психическими особенностями человека. Не было осознания самостоятельной роли и возможностей этого феномена.

Начало полномасштабного выхода разума на авансцену мировой жизни приходится на середину первого тысячелетия до новой эры, на исторический период, названный Ф. Ницше **«осью времен»**, **«осью всемирной истории»**, а К. Ясперсом – **«осевым временем»**. Это была самая великая революция в истории человечества – поистине **«революция всех времен и народов»**. Именно тогда человечество сделало фундаментальный выбор, который привел его к современной рациональной цивилизации, а самого человека – к индивидуально-личностному облику, позволившему назвать его *Homo sapiens* («Человек разумный»).

Подобно оценкам разума, оценки исторических перспектив этой революции были и остаются неоднозначными. Одни

убеждены, что от нее – **начало Эры разума**, олицетворяющей путь к светлому будущему, всеобщему счастью, раю на земле. Другие, напротив, увидели в нарастающей диктатуре разума уход от многоцветия человеческих возможностей в однотональное бытие, замыкание лишь в одной психической конструкции, неизбежно ведущее к отрыву от истинной Реальности, насильственному пленению чего-то высшего в человеке.

В конечном счете преобладающим стало первое, позитивное отношение к происшедшему в «осевое время» – привлекательней оказалось перспектива видеть жизненные факты в четком, упорядоченном варианте, как это умеет представить разум. Применительно к индивидуальному развитию человека революцию середины первого тысячелетия до н. э. можно сравнить с критическим переходом в трехлетнем возрасте. После этого возраста дети овладевают мышлением (тут же – мышление овладевает ими) и уже не могут принципиально изменить без патологических последствий направленность своего сознания, перейти к использованию других механизмов взаимодействия со средой, основанных не на главенстве разума.

Удивителен не поддающийся объективному объяснению факт: **прорыв к разумности 2,5 тысячи лет назад произошел почти одновременно в различных и практически не имеющих между собой связи регионах Земли.** Первыми наиболее известными истории провозвестниками

приоритетности нового механизма взаимопонимания между людьми и приспособления к окружающей среде выступили современники одной и той же эпохи: в Китае – Конфуций, в Индии – принц Гаутама (Будда), в Греции – Анаксагор и Сократ. Есть что-то мистическое в этой синхронности событий. Сам человек того времени на подобную согласованность действий был не способен. Кто свыше мог координировать дружное выдвижение разума на руководящую роль в земной жизни – Создатель или хозяин («князь») этого мира? Возможно, дальнейший анализ приблизит нас к ответу на данный вопрос.

Древние греки оказались более последовательными и настойчивыми в разработке проблем человеческой разумности, что и предопределило общую динамику развития западной (рациональной) цивилизации.

Человечество свой путь к новому, неведомому всегда проходит вслед за отдельными гениями (пассионариями, по Л. Гумилеву). Их прозрения выхватывают из кромешной жизненной темноты нечто видимое, образуют просветы, освещенные туннели в этой темноте, в которые потом устремляются массы людей. Из таких прорывов познания гениев Древней Греции складывался и путь выдвижения разума к вершинам его власти в психической жизни отдельного человека и в мировоззрении западного общества в целом. Истории известно, как за сравнительно короткий исторический срок древнегреческие мыслители сумели из обобщенного,

валового (с точки зрения современной науки – «темного») представления о человеческой психике выделить отдельные ее структуры и определить место среди них разума. И в конечном итоге сделали его главным координатором психической жизни человека и его отношений со средой.

Современному человеку очевидна разница между мышлением и ощущением, мышлением и восприятием, мышлением и словом, мышлением и действием. Однако для живущих в древнем мире выделение каждого из этих различий было величайшим открытием – вызывало неистовый восторг, отображалось в мифологических сюжетах, воспевалось в стихах и шаг за шагом вело к возникновению нового сознания.

В начале V века до новой эры Парменид – сразу ставший знаменитым философом – открывает и даже воспекает в поэме «О природе» **различие между мышлением и ощущением** и, следовательно, возможность самостоятельного использования каждой из этих психических способностей человека. Затем Пифагор и его школа устанавливают, что число вещи вовсе не есть сама вещь, что вещи меняются, исчезают, создаются вновь, а таблица умножения все время остается той же самой. Это открытие так поразило древних эллинов, что в некоторых учениях **числа** объявили божественными существами и даже самими богами (83). Мистика числа широко использовалась (например, в каббализме) в течение целого тысячелетия после его открытия пифагорейцами.

В «осевое время» начинает свое **надприродное шествие логос**, слово. Осознание его возможностей стало еще одним величайшим открытием того времени. Перспективы слова, например, в философии Гераклита, видятся почти безграничными – оно способно убеждать, опровергать, вести за собой, править миром. Но слово не существует вне личности, значит, потенциал этого человеческого феномена свидетельствует о неисчерпаемой силе самого человека, его способности быть над природой, быть творцом происходящего в мире. Столь же важным для расширения веры в человеческий разум стало открытие Платоном **разницы между идеей вещи и самой вещью**. Идея – это форма, структура вещи, появляющаяся до существования ее самой в виде предваряющего наброска, принципиального замысла. У Платона идеи трактовались прежде всего как некие божественные сущности. Но было очевидным, что и человек, владеющий разумом, способен понимать идеи и самостоятельно рождать их. Сегодня все в нашей жизни начинается с идеи, мы творим их каждодневно, не видя в этом чего-либо необычного, сверхъестественного. Однако для людей того времени осознание своего сходства с Богом в данном отношении было открытием, вызвавшим изумление и восторг, ставшим еще одним шагом к укреплению веры в человека, владеющего разумом.

В середине V века до н. э. **Анаксагор**, популярный в Афинах того времени философ, заявляет о существовании

некоего космического ума (по-гречески – nous) и переносит на него главные функции по управлению миром, ранее приписываемые богам и природе в целом. Эта идея позволяет говорить о всесиили мысли вообще и открывает путь к признанию высокого предназначения человеческого ума. Анаксагору принадлежит популярная до сих пор и почти классическая для понимания главной направленности управляющих действий разума формула: *«Вначале все было смешано; тогда явился рассудок и создал порядок»*.

К концу V века до н. э. **Демокрит** уже выделяет два вида познания: одно – посредством логического рассуждения (его он называет «законным» и приписывает ему высшую достоверность); другое – посредством ощущений (его считает «темным» и непригодным для распознавания истины). Демокрит впервые говорит о прямой связи между тремя человеческими «плодами»: хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо делать (83).

Ключевой фигурой первого этапа «революции от разума» был **Сократ** (470-399 годы до н. э.). Этот авторитетнейший не только для своего времени, но и на все последующие тысячелетия человеческой истории мыслитель пришел на подготовленную почву. Сократ хорошо знал работы Гераклита, встречался с Парменидом, отчасти был учеником Анаксагора. В свою очередь его учеником стал Платон, а учеником последнего – Аристотель. Удивительное, почти мистическое в своей уникальности сочетание следующих друг за другом ге-

ниев, стремящихся преобразовать человека и человечество на основе идеи разумности. Только такая сконцентрированная последовательность сверхусилий могла дать раскручивающий импульс оборотам новой человеческой цивилизации.

В этой плеяде гениев первый – Сократ. Именно в учении и деятельности Сократа Ф. Ницше видит кульминационный момент, «поворотную точку» всемирной истории. В лице этого мыслителя впервые проявилась безоговорочная и несокрушимая вера в то, *«что мышление, руководимое законом причинности, может проникнуть в глубочайшие бездны бытия и что это мышление не только может познать бытие, но даже и исправить его»* (98, 537). От Сократа берет начало человеческая убежденность в безграничных возможностях разума, науки, знаний, прогресса. Став идеологом «теоретического оптимизма» (Ф. Ницше), он первый приписал познанию и знанию силу универсального лечебного средства, а мыслительную деятельность объявил высшим и достойнейшим занятием человека. Ум и знания для него – основа и счастья, и добродетельности, и нравственности, и безгрешности, и красоты, то есть основа всего самого желанного, о чем могут мечтать человек и человечество. Вот некоторые из его суждений:

«Лишь знающий добродетелен»;

«Все должно быть сознательным, чтобы быть добрым»;

«Грешат только по незнанию»;

«Одно только благо – знание, и одно только зло – невежество».

Сократ призывает окружающих «избавиться от пороков силой разума», и себя, как уже проделавшего эту операцию, приводит в пример. На вопрос, где люди делаются добродетельными, у него один ответ: «иди со мной и учись» (83, 28). Все просто и однозначно виделось великому эллину, ему бы посмотреть на умных и знающих людей нашего времени.

Платон (427-347 годы до н. э.) был согласен со своим наставником: добродетели можно научить. Но вместе с тем он убежден, что этот процесс должен быть дополнен **активной деятельностью души**. Платон говорит о приобретении знаний как некоем припоминании (анамнесисе) душой того, что ей было известно во время пребывания в высшем мире. Поэтому для него, наряду с формированием ума, поддержание в чистоте души человека – важнейшая проблема. Но все же Платон соглашается с Сократом и признает, что в условиях земного бытия главной управляющей силой является разум. Он пишет о «вознице-разуме», который управляет парой коней: «пылким» (волевым) и «вожде-леющим» (чувственным). Деятельностью этого «возницы» и определяется, по его убеждению, как внутреннее благополучие каждого человека, так и возможность справедливой организации (на основе **разумных** законов) жизни общества в целом.

Если у Платона – на фоне его интереса к душевной жизни

человека – существовали некоторые оговорки по части веры в разум, то следующий за ним классик рационализма **Аристотель** (384-322 годы до н. э.) довел эту веру, по сути, до фанатичного уровня. По словам авторитетного российского мыслителя XX века А.Ф. Лосева, вся философия Аристотеля есть не что иное «как *славословие разуму* и разумной жизни» (83, 247). Для него разум выше любви, страдания, наслаждения, выше всего в человеке; он может все дать и от всего избавить; в разумной деятельности – божественная сладость и путь ко всему самому лучшему в жизни. Свою «Метафизику» он начинает словами: «Все люди от природы стремятся к знанию» (9, 191). А в сочинении «О душе» утверждает, что «*ум есть самое изначальное и по природе главенствующее*», он есть нечто более божественное, чем само существо, которое умом обладает (9, 386); ум «*всегда правилен, ничему не подвержен и призван властвовать над всем*» (9, 433).

Аристотель влюблен в рассудочные построения; он убежден, что мысли, будучи изложенными и понятыми правильно, ведут к совершенству и самого человека, и его дела, не оставляют места в жизни случайностям или проявлениям непонятной судьбы. Они же – и связанные с ними знания – являются залогом психического здоровья: успокаивают человека, снимают внутреннюю напряженность, формируют «нечто разумное и знающее». Аристотель – необыкновенный любитель расчленять общее представление о предмете, детализировать его, выделять отдельные стороны, частные

проявления (83, 175). Что, собственно, и стало доминирующей тенденцией мыслительной деятельности на все времена.

Аристотель настолько влюблен во все умственное, следовательно, и в Ум, что мировая Душа теряет для него платоновский смысл, он вводит понятие «**разумная душа**» и лишь ее признает бессмертной. Человек, по Аристотелю, есть только разум, все остальное в нем то же самое, что и у животных (9, 331). Поэтому люди должны стремиться к умственной жизни и совершенствованию ума; это – высшая цель, путь к вечному блаженству. Для Аристотеля существует лишь то, что осмыслено, логически доказано, приведено в систему. Он признает, что жизнь есть трагедия, но причину этому видит в несовершенстве жизни с точки зрения ее разумности.

Если Сократ высшей целью познания называет «познание самого себя», то есть – человека; то у Аристотеля эта цель переносится на **познание мышления**. Предметом исследования становятся понятия (умозаключения, суждения), существующие независимо от человека и природы. Отсюда – интерес великого эллина к разработке основ формальной логики как важнейшей научной дисциплины. **Логические представления о жизни виделись ему более убедительными, чем сама жизнь**. После создания системы логического мышления, способного конструировать жизнь по собственным представлениям, разум начал претендовать **на роль нового бога**, который может решить все пробле-

мы этого мира, оградить человека от всех его жизненных проблем. Сам Аристотель стал верным апостолом этого бога, может быть, равным по степени преданности и готовности отстаивать свою веру жившему спустя несколько столетий тринадцатому апостолу Христа – Павлу.

После Аристотеля становится привычным все негативное в жизни, все ее «уродства» объяснять главным образом слабой опорой на возможности мышления и логики. Новая вера, как правило, делает человека до фанатичности неустойчивым в стремлении к осознанной вдруг цели. Безоговорочно однозначной становится и вера в разумность, а позже – в науку. Все иное, до этого считавшееся высшим, божественным, теперь начинает казаться ненужным. В итоге, как писал Шпенглер, *«душевное бытие сменяется умственным»* (161, 530).

Безоговорочный авторитет мыслителя не оставлял места пониманию того, что жизненные проблемы **могут быть порождением не подлинной жизни, а той искусственной конструкции**, которую мы сами создаем, «исправляя» мир основанными на рациональной причинности законами, нормами, правилами. Увлеченность «умственным бытием» не позволяла искать причины сохраняющихся и даже нарастающих жизненных невзгод в самой природе разума, в его способности порождать лицемерие, гордыню, вводить человека во зло; в **его неадекватных претензиях на перестройку естественной жизни**, в ходе которой, не имея возмож-

ности охватить логикой всеобщую Реальность, находящуюся под властью совсем иных, высших сил, он неизбежно вынужден путаться в своих выводах и решениях, ввергая людей в новые страдания.

Жизнь – не формальная логика. Этот факт гениям античности пришлось вскоре ощутить на собственной судьбе. Их попытки привести человечество к добродетели через разумность, знания, владение логикой закончились драматично прежде всего для них самих. Уже первые ставки на человеческую разумность, вопреки ожиданиям, обернулись тем, что позднее будет определено как «горе от ума», или иначе – **появлением ада там, где по уму планировалось строительство рая**. И такого рода обратные результаты станут сопровождать процесс рационального строительства жизни непрерывно, вплоть до XXI века.

Анаксагор за непочитание богов и попытку дать разумное объяснение небесным явлениям был изгнан из Афин. Сократ в конце жизни привлекается к суду и приговаривается к смерти – за «введение новых божеств и разращение юношества», – после чего самостоятельно принимает яд в тюрьме. Он сохранил веру в разум, но и в его последних выступлениях уже звучат сомнения в достижимости через познание конечной истины и того идеала, ради которого это познание осуществляется. *«Я знаю, что я ничего не знаю»*, – таков неутешительный итог напряженной умственной работы семидесятилетнего мыслителя.

Трагичной по своим итогам оказалась и жизнь Платона. Уже будучи стариком, он признается в одном из писем, что все у него идет вразброд, он теряет веру в то, за что ратовал всю жизнь, – в силу разумного убеждения. Торжества добра на основе разума не получилось. Никакие знания и философы не могут помочь людям и государствам, их нельзя излечить законами, спасти их может только удивительное стечение обстоятельств. Неоправдавшиеся надежды ведут к тому, что многие друзья и ученики Платона сами лишают себя жизни.

Не сбылась вера мыслителя в возможность создать **на основе разумных законов просвещенное и справедливое государство**. Выстроивший ранее модель такого государства, а затем разуверившийся в людях и правителях, он пишет в конце жизни трактат «Законы», в котором лейтмотивом звучит мысль о необходимости подавления одного в угоду многим. Вместо просвещенного государства предлагается некая по сути бесчеловечная, казарменная система отношений между людьми. «Законы» поражают доводящей до мелочей регламентацией жизни граждан государства, включая их семейные отношения и даже сферу художественного творчества. На первом плане – не разумная самостоятельность людей, а некая внешняя сила (в форме государства и его законов), которая все держит под контролем и обладает безграничными карательными возможностями. В основе поведения людей – беспрекословное подчинение законам и

власти; идеальными для государства признаются некие «люди-куклы». Этот переход во взглядах – трагедия жизни Платона, трагедия мыслителя, трагедия разума. В последних работах Платон вынужден идеализировать прошлое (в частности, на примере Атлантиды) или строить утопические планы на будущее. Настоящее оказалось либо вне власти разума, либо эта власть, когда ее удавалось установить, оборачивалась вдруг совсем не тем, чего от нее следовало ожидать по теоретическим рассуждениям.

Даже такой глубочайший аналитик, как Аристотель, не устоял перед жизнью – трагическая действительность в очередной раз вышла победителем в противостоянии с красивой, почти **сказочной схемой ее разумного переустройства** и с самим автором этой сказки. По свидетельству биографов, великий философ оказался в плену крайне запутанных обстоятельств, почти в положении «затравленного зверя» (83). Он утратил доверие и македонцев, и афинян, и греческих демократов, и правителей того времени. Против него возбуждается судебное дело по обвинению в бесчестии, и ему трудно доказать свою невиновность. Его теоретические обоснования благотворности разума и знаний не нашли подтверждения даже на примере его лучшего ученика – Александра Македонского. Александр, имея великий ум и прекрасное образование, полученное от самого «апостола разума», превратился не в добродетельного, а в жесткого, взвинченного, пренебрежительного к другим и склонного к само-

обоожествлению человека. Разум, вопреки всем логическим выкладкам, не проявил здесь своей облагораживающей силы. В 323 году до н. э., за год до смерти, Аристотель бежит из Афин. Однако конфликт – уже с самим собой – нарастает. И создатель логики, чтобы избежать необходимости решать **неразрешимые логически жизненные проблемы**, принимает, как утверждают биографы, яд (83). Известно, что в древности многие философские школы требовали самоубийства от тех людей, которые не смогли разрешить основные противоречия жизни и не хотели продолжать бесполезную, бессмысленную борьбу с ними. Аристотель оказался именно в такой ситуации.

1.2. Рай и ад «умственного бытия» за пределами древнего мира

*Мир вступил в античеловеческую эпоху,
характеризующуюся процессом дегуманизации.
Н.А. Бердяев*

Между тем рационализм стремительно завоевывает античную Европу. На его основе совершенствуются государственность и законодательное обеспечение жизни, растет значимость образования, эллинская философия распространяется по всей Римской империи, уже включившей в себя Грецию. Создаются непреходящие общечеловеческие ценности в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре, театральном творчестве, инженерном деле. Быстро развиваются науки – математика, физика, астрономия, география, медицина. В конечном итоге оформилось все то, что потом на века получило заслуженное признание как «античное искусство», «античная литература», «античная философия», «античная культура», «античная система управления обществом». Были созданы уникальные философские системы – стоиков, эпикурейцев, платоников, гностиков, – мудрость которых не только не превзошла, но даже до конца не сумела постичь наука последующих тысячелетий. Достигнутая в тот период глубина понимания внутреннего мира чело-

века, в частности Платоном и его последователями, не пре-
взойдена до сих пор. Современная психология лишь запутала
это понимание наборами частных, деталей человеческой психики
и уже веками копается в «обломках человека» (Ф. Ницше). Платон
до сих пор остается главным авторитетом в сфере человекознания.

На последней стадии Античности достижения древних греков
были позаимствованы и развиты римлянами. Их усилиями, в
частности, было создано величайшее из государств того времени –
Римская империя, а также разработано классическое римское
право, ставшее образцом для всех последующих правовых систем
в истории человечества.

Достижения древнего мира вызывали и вызывают незату-
хающий интерес всех последующих поколений. Многие из свершений
того времени остаются недостижимым идеалом и спустя тысячелетия.
То, как античная культура сумела возвысить и поставить в центр
своего миропонимания человека, раскрепостить его возможности,
обеспечить свободу мысли, самовыражения, творческого искания,
повторить не удалось ни одной другой социальной системе, ни одной
из последующих эпох. В этом состояло важнейшее достижение
Античности, ставшее в конечном счете принципиальной основой
всех других ее свершений. Поистине это был **«медовый месяц»**
человека и его разума. В дальнейшем разум будет только терять
благородство, обрастать догмами, шаблонами, одновременно
корыстью, своеволием и станет чаще затаски-

вать своего носителя в тупики и пороки, чем расширять его творящие возможности.

Если человечеству когда-то в своей истории удалось, хотя бы очень отдаленно, приблизиться к райскому состоянию, то это было в эпоху Античности, в годы ее расцвета. Однако финал истории древнего мира был уже совсем не райским. Существует определенная закономерность: выдающиеся внешние достижения государства (империи) работают не на укрепление духовного состояния своих граждан, но чаще ослабляют, разрушают его. По мере нарастания материальных благ человеческие пороки не отступают – даже крепчают, сгущаются, набирают силу.

Столь необычное сочетание внешнего расцвета и внутреннего, духовного разложения имело место в Атлантиде, в Вавилоне, на территории Индии (Индская цивилизация), в цивилизациях древних народов Южной Америки. Нечто подобное произошло в последние столетия древнего мира. Любимый ученик Иисуса апостол Иоанн Богослов в «Откровениях», нашептанных ему ангелом, предсказывает, что причиной грядущей гибели всемогущей **Римской империи** станут не нашествия варваров, а падение большей части народа в безнравственность, разврат, идолопоклонство, полное пренебрежение заповедями Бога. Это предсказание было сделано за 400 лет до фактической гибели империи.

В течение ряда столетий смыслом существования великого древнего государства была экспансия во все стороны от

Рима – захват новых земель, обогащение, покорение соседних народов и поддержание жесточайшим насилием своего господства над ними. Невольно тенденция к насилию переходит и во внутреннюю жизнь римлян. Физическое устранение императоров становится нормой жизни общества. Историки апогей утраты благородства и добродетельности населением Рима, особенно среди наиболее образованной («разумной») его части, относят к началу новой эры, когда Великая Римская империя, казалось бы, достигла всего, что можно достичь в нашем мире, когда ее могущество было почти безграничным.

Знаменитое римское право прежде всего не уберегло великую империю от глубокой порочности высшей, правящей части граждан. Время правления, например, императора Нерона считается самым диким в истории Римской империи. Это – десятилетия гнусного разврата, предательств, грабежей, убийств, стяжательства, отсутствия у людей каких-либо внутренних сдерживающих принципов.

Поведение элиты неизбежно привело к общей атмосфере насилия, разврата и в конечном счете к нравственному разложению когда-то гордых и одухотворенных римлян. Не варвары стали главной причиной гибели империи, ее падение было подготовлено внутренним обнищанием и фактическим разрушением римского общества.

Римский этнос умер и сгнил раньше, чем погиб от

вторжения варваров.

Л.Н. Гумилев

Разнузданность нравов в этом исторически первом правовом государстве достигла такого размаха, что стала одной из видимых причин прихода в мир Спасителя. Христос сразу отверг все то, чем пыталось жить общество того времени. Он заявил о прямой связи между *«умножением беззаконий»* и *«мерзостью запустения, стоящей на святом месте»*. Не в укреплении законов, а в очищении «святого места» в человеке видел он спасение человечества. Христос пришел в мир **спасать не империю, не цивилизацию, а человека**. Спасение внешних структур придет в этом случае само собой – через человека мир пал, и только через человека он способен подняться.

Однако общество того времени не поняло до конца спасительную идею Христа; приняло ее лишь формально, на деле продолжало рассчитывать на рассудочные, следовательно, силовые – в своей основе – решения и действия. Вопреки заповедям Иисуса одним из важнейших субъектов такого рода отношения к жизни становится и только что получившая признание христианская церковь. Свои новые, фактически рассудочные принципы она с предельной наглядностью продемонстрировала в **эпоху Средневековья**.

Средневековье начинает отсчет своего времени с V века, с момента объединения христианской церкви и государства, следовательно, с обеспечения единства усилий религиозной

догматики и карательной власти. Более чем на восемь столетий Европа погружается в «темное», безликое состояние. Но это уже совсем не та безликость, что была характерна для недифференцированного, валового единения человека с природой (и богами) до «осевого времени». Здесь «темнота» и безликость по-разумному организованы, в их основе – жесточайшая религиозно-государственная регламентация жизни людей.

Человеку, только что успевшему почувствовать себя носителем нового бога – Разума – и, значит, способным самостоятельно творить свое жизненное счастье, вдруг жестко навязывается прямо противоположное понимание себя, своей роли и своих возможностей в жизни. Происходит откат европейцев к обновленному варианту отношений жителей Древней Греции с богами Олимпа. Теперь единый Бог все знает, все может, и все происходящее с людьми находится в его воле. Человек есть только «раб Божий». И ничто более. В качестве главных достоинств ему навязываются смирение, сознание собственного ничтожества, отречение от всех земных интересов и благ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.